

125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам

27 января исполнилось 72 года с тех пор, как была снята блокада Ленинграда, длилась которая 872 дня. Ариадна Николаевна Щурова (на снимке) — одна из тех, кто пережил те страшные блокадные дни и ночи города на Неве.

«Электросилу» эвакуировали на Урал. 1 сентя-

бря отец, убежденный коммунист, собрался добровольцем на фронт. Детский сад, куда Ада проходила год, разбомбили. Ребятишек тоже везли на Урал. Николай Иванович наказал жене:

— Дочь никуда не увози, не найдем. И сама не уезжай! Война скоро кончится. Победа будет за нами!

И ушел на фронт: в осеннем пальто, в шляпе и рубашке с галстуком.

Враг подобрался к «Электросиле». Район оказался на передовой. Окрестные дома превращались в руины. Но дом Евдокимовых стоял. В нем квартировал штаб армии. Отец написал с фронта: «Если будет совсем худо, переезжайте на Фонтанку к моей маме Анне Дементьевне».

Бабушка Аня

У Анны Дементьевны было пять сыновей и три дочери. Сыновья ушли на фронт. А дочери и невестки Анны Дементьевны работали без отдыха. Внуки — Аделька, Тамара, Люся и Юра — оказались на бабушке.

Из первой блокадной зимы Ариадна Николаевна помнит голод, голод и горы трупов. Днем после уроков — школы в Ленинграде работали — заходили к ним школьники, спрашивали, нет ли мертвых. Из соседних квартир, они не запирались, брать было нечего, выносили умерших, складывали штабелями на улице. Вечером разбитая маши-

на увозила их на Пискаревское кладбище.

У бабушки Ани все жили. Когда было топливо, детвора сидела на кухне у плиты. С тех времен и сохранился тот непонятно кем сделанный снимок. Остальное время сидели в коридоре в ожидании налета. Разговаривали о том, что будет, когда кончится война. Но больше дремали. С первым воем сирены спускались в подвал, стояли в духоте, тесно прижавшись плечами. У каждого к одежде был пришит специальный кармашек, а в нем бумажка: имя, фамилия, адрес. Вскоре от слабости в подвал спускаться перестали, а 9-летний Юрик уже не мог ходить с бабушкой в булочную. Теперь бабушка ходила одна. Дети молились, чтобы она вернулась. До войны Анна Дементьевна была полная, грузная — весила 120 килограммов. После 872 дней блокады в ней осталось 50.

Бабушка возвращалась с хлебом: 125 граммов мельничной пыли из кукурузных ростков. Сначала у бабушки были запасы круп. А потом она устроилась санитаркой.

— Иногда по одной она водила нас, девочек, в госпиталь, — вспоминает Ариадна Николаевна. — Юру не брала, уже большой. Раненые нам радовались. Каждый старался усадить на кровать, погладить по голове, сунуть кусочек хлеба. У всех же были свои детишки.

Зимой 1943 года Аделька заболела коклюшем. Нина Викто-

ровна кашляла, возможно, началась пневмония.

— Езжайте в Ярославль, умрете! — отрезала бабушка Аня.

В полубреду Нина Викторевна ползла на Сызранскую, опечатала квартиру, получила эвакуационные документы. Утром с одним узелком, чтобы не загружать машину, они пришли на эвакупункт и поехали по легендарной Дороге жизни: 45 километров по суше и 30 — по льду Ладожского озера.

— По Ладоге полторка ползла с открытыми дверями, — вспоминает Ариадна Щурова, — чтобы шофер мог спастись, если машина провалится под лед.

— Плакали ли вы во время блокады: в голод, холод? Вы же были малюткой, — спрашиваю Ариадну Николаевну.

— Нет. Этак пришлось бы плакать каждый день. Мы заплакали в поезде по пути в Ярославль, когда на наших глазах умирали люди, уже вырвавшиеся на Большую землю.

На станции Всполье поезд с блокадниками встречали ярославцы. Мертвых увозили на Лентьевское кладбище. Живых распределяли по госпиталям. Ариадну с мамой встретила бабушка Шура.

— Родные мои, миленькие, живы! — заплакала она от радости.

Уж ты козочка, ты матушка

Нину с Аделькой спасла коза. Она жила под столом. Другого места в 6-метровой комнате — две кровати и стол — больше не было. Козу купила бабушка Шура. Молоком да травами она выходила больных. А весной полезли лебеда и крапива. Бабушка смешала козий навоз с землей и посадила тыквы. Это была жизнь!

Нина Викторевна устроилась в бюро пропусков паровозоремонтного завода. Зимой Ада ночевала у мамы в теплом кабинете: дома не было дров.

Похоронка на Адиного отца пришла еще в Ленинграде, в марте 1942 года. Николай Иванович скончался от сквозного осколочного ранения в левое бедро. В Ярославле Нина Викторевна вместе с молодыми вдовами собиралась попеть песен, потосковать по мужьям. Дети были с ними.

— Мы слышали от мам, что папы погибли, но не видели, как и где, — рассказывает Ариадна Николаевна. — Тогда мы думали, что они живы, только ранены. Решили их искать. Побежали к госпиталю, к 54-й школе. В большом дворе сидели раненые. Мы просунули головенки сквозь редкий забор и стали звать: «Папа! Папочка!». Думали, хоть кто-нибудь отзовется... А они побежали все! Стали утешать: «Живы ваши папки. Подождите, отвоят — вернутся!». И совали нам кусочки хлеба и сахара. В госпиталь ребятишки бежали до конца войны.

Возвращение в Ярославль

Блокаду Ленинграда сняли в 1944 году. Нина Викторевна хотела вернуться. Но город был закрыт. Ей велели ждать. Вернуться разрешили лишь в августе 45-го. Ленинград стоял в руинах. Дом Евдокимовых уцелел чудом. Ариадне было 7 лет, но в школу она не пошла. Есть было нечего. Работы не было: «Электросила» еще не вернулась с Урала.

В Ярославле у Ариадны появился отчим. В конце 45-го он демобилизовался и позвал Нину Викторевну на свою малую Родину — в город Шахты. Но юг их не принял. После фашистской оккупации был он закрыт для въезда. Семья Ариадны проехала от Шахт через Ростов-на-Дону до Грозного. Прописки нигде не давали, а без нее не брали на работу. Вернулись в Ярославль.

Здесь в 9 лет Ариадна пошла в школу. Она читала только по слогам и писала печатными буквами. Но упорная, старательная девочка быстро всех догнала.

— Мне было стыдно плохо учиться, — поясняет Ариадна Николаевна.

Жизнь — длинная дорога. На этом пути были у Ариадны Николаевны и Ярославский политехнический институт, и работа на нашем судостроительном заводе. С мужем она вырастила сына и дочь. Сейчас у Ариадны Николаевны уже две взрослые внучки.

Елена СОЛОНДАЕВА

Фото автора и из архива А.Н. Щуровой

Породнились Нева с Волгой

Единственную фотографию из блокадного Ленинграда Ариадна Николаевна порвала лет тридцать назад. Ту, где она, Тамара, Люся, Юрик и бабушка Аня сидят на кухне. Кому теперь, в мирной жизни, кроме таких же, как она, блокадников, нужна та страшная память?

Ошиблась. Про стойкость и мужество жителей блокадного Ленинграда страна не забыла. Помнит и Ярославль. За время блокады 500 тысяч ленинградцев эвакуировали в Ярославскую область. Только в Ярославле для них оборудовали 8 госпиталей. Ярославцы посылали осажденному Ленинграду продукты и одежду. 49 вагонов с хлебом и картофелем — весной 1942 года. 40 тонн муки, 1355 килограммов печенья, 232 тонны картофеля — в январе 1943-го... Зимой 1944-го для борьбы с крысами — 4 вагона ярославских кошек.

В 1991 году в Ярославской области появилась организация «Жители блокадного Ленинграда». Открыты памятники ленинградцам-блокадникам, в 1992 году появился монумент на Воинском кладбище Ярославля. В 2013 году ярославским эхом блокады вышла книга «Породнились Нева с Волгой». Есть там глава и про Ариадну Щурову.

Приказано оставаться

Мама Ариадны Николаевны Нина — даром что провинциальная девчонка — была красавица. За плечами всего 4 класса церковно-приходской школы, а писала каллиграфически. За изумительный почерк Нину Викторевну взяли копировальщицей на ярославский завод «Красный маяк». Там познакомилась она с коренным ленинградцем Николаем Евдокимовым. Николай Иванович руководил производственно-диспетчерским отделом завода «Электросила». Завода, многотиражку которого возглавляла в то время поэтесса Ольга Берггольц. Летом 1938 года в коммуналке на улице Сызранской, 36 появилась Ариадна Николаевна, Адочка, Аделька, Адель. Ей было три года, когда началась война.

Большая семья Евдокимовых до войны. Ариадна на руках у мамы (в центре).